

УДК 947(57): 63: 947(083)

«АГРАРНЫЕ БЕСПОРЯДКИ» СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ (ФЕВРАЛЬ – ОКТЯБРЬ 1917 Г.)

Кротт И.И.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», Омск, Россия (644099, Омск, Набережная им. Тухачевского, 14), e-mail: ivkrott@mail.ru

В статье на основе архивных и опубликованных источников показаны основные причины «аграрных беспорядков» в сибирской деревне в период революционных изменений 1917 г., особо подчеркиваются мотивы самозахватов крестьянством земельных угодий сельских предпринимателей. Автор акцентирует внимание на том, что массовые переселения конца XIX – начала XX в. породили в регионе ситуацию фронта, своеобразного противостояния между «местным» крестьянским и «пришлым» предпринимательским сообществами, что в итоге и привело к конфликтным ситуациям. В работе делается вывод о том, что предприниматели в аграрной сфере и представители сельского локального сообщества выступали носителями конфликтного сознания, специфика которого заключалась в понимании противоположности своих интересов, целей и превращения их в мотивацию активности. Поэтому они и начали «борьбу» за ценности и претензии на определенный социально-экономический, культурный статус, за недостаточные для всех материальные и духовные блага. Революционные перемены 1917 г., в том числе и в аграрном вопросе, еще сильнее запутали и усложнили процесс взаимоотношений между сибирским крестьянством и сельскохозяйственным предпринимательством.

Ключевые слова: аграрные беспорядки, земельные самозхваты, сибирская деревня, сибирское крестьянство, сельскохозяйственное предпринимательство, революция 1917 г., конфликтное сознание и поведение.

«AGRARIAN RIOTS» OF THE PEASANTRY AND AGRICULTURAL ENTREPRENEURSHIP IN WESTERN SIBERIA DURING THE REVOLUTION (FEBRUARY – OCTOBER 1917)

Krott I.I.

FGBOU VPO "Omsk State Teacher's Training University", Omsk, Russia (644099, Omsk, Quay them. Tukhachevsky street, 14), e-mail: ivkrott@mail.ru

On the basis of archival and published sources shows the main causes of "agrarian riots" in Siberia during the Revolution of 1917, has emphasized the motives land-squatting of rural entrepreneurs' farmlands by peasants. The author focuses on the fact that mass migration late XIX – early XX have generated in the region a kind of confrontation between "local" peasant community and "alien" entrepreneurial community that eventually led to conflict situations. The paper concludes that rural entrepreneurs and representatives of the local community were carriers of conflict consciousness, specificity of which is to understand the opposition of their interests, goals and turn them into motivation activity. Therefore, they began to "fight" for the values and claims to certain socio-economic, cultural status. Revolutionary changes in 1917, including the agrarian question, even more confused and complicated the relationship between the Siberian peasants and agricultural entrepreneurs.

Keywords: agrarian riots, land-squatting, Siberian peasantry, agricultural entrepreneurship, the 1917 Revolution, conflicted consciousness and behavior.

Проблема изучения российских революций начала XX столетия и связанных с ними процессов имеет прочную историографическую традицию в отечественной исторической науке. Несмотря на это, в последние годы, стали появляться работы, в которых уделяется особое внимание психологии масс, их настроениям и поведению в условиях социальных трансформаций. Это очень важный пласт междисциплинарных исследований, без которых невозможно понять ценностную структуру сознания российского общества, его специфику в условиях социального конфликта, поведенческие реакции и стратегии, как социальных групп / сообществ, так и отдельных личностей.

В современной отечественной историографии неоднократно высказывалась мысль о том, что в период революций 1917 г. в России стихийный «черный передел» не имел единого социального вектора. Почувствовавший свободу крестьянский мир спешил решить свои материальные проблемы за счет тех, кто не являлся частью общинной экономики. Чем менее земледелец – «чужак» был инкорпорирован в общинную структуру, тем жестче относился к нему крестьянский мир [16].

Аналогичные процессы наблюдались и в сибирской деревне, которая особенно в годы революции и Гражданской войны переживала сложные социально-экономические и политические процессы. В сибирском сельском локальном сообществе, также как и в Европейской России, были распространены аграрные беспорядки и земельные захваты. Поэтому цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать основные причины, которые способствовали возникновению этих явлений в Западной Сибири в период революционных потрясений 1917 г.

Настоящее исследование основывается на использовании широкого спектра репрезентативных исторических источников, включающих как опубликованные, так и архивные документы, многие из которых в научный оборот вводятся впервые. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного синтеза, что обусловило использование категорий и методов социальной истории, сочетание макроаналитических стратегий и микроисторического подхода.

Революционные события февраля 1917 г. в России, изменившие сложившийся уклад жизни общества, не могли не затронуть сферу аграрных отношений. От позиции жителей сельского сообщества во многом зависела устойчивость не только того или иного политического режима, но и всей российской государственности.

В сибиреведческой литературе неоднократно писалось о том, что в период демократических преобразований с весны 1917 г. в сибирской деревне имели место массовые несанкционированные порубки лесов, захваты земель сельскими общинами и отдельными крестьянами. В сложившейся ситуации Временное правительство понимало, что есть реальная угроза решения аграрного вопроса радикальными мерами. В силу этого, в своем воззвании от 19 марта 1917 г. оно особо подчеркивало, что земельная реформа требует длительной подготовительной работы и открыто высказалось против любых земельных захватов [11].

Следуя данным указаниям, местным административным органам, в том числе и в Западной Сибири, приходилось неоднократно выступать с обращениями к населению, в которых звучали требования соблюдения действующих законов и общественного порядка [10].

Несмотря на разнообразные предупредительные меры, захваты покосов, земельных угодий, порубки лесов продолжались. Так, земельный отдел Томской губернской земской управы в 1918 г. указывал, что в Кузнецком уезде «...с весны 1917 г. начались захваты крестьянскими обществами и отдельными группами крестьян арендных участков у коневодов и коннозаводчиков. Первоначально в некоторых местах крестьяне травили своим скотом выгоны и покосы коневодов, а в случаях возражений со стороны владельцев они грозили насилием и убийством, иногда разрушали поскотины и другие сооружения коннозаводчиков, и некоторые из этих последних вынуждены были уехать и бросить свои хозяйства. Захваты эти производились частью совершенно самостоятельно, частью были оформлены постановлениями волостных сходов...». От этих незаконных действий сельского населения в Томской губернии пострадали известные предпринимательские хозяйства: Ф. С. Пьянкова, Н. А. Цевловского, Н. П. Ермолаева, С. Здорика и др. [1].

Аналогичная картина наблюдалась и в других районах Западной Сибири. Многочисленные случаи захватов земель частных владельцев, арендаторов казенных, войсковых участков имели место в Тобольской губернии и Акмолинской области. Например, 10 марта 1917 г. крестьяне «рубил лес, били людей охраны» в предпринимательском хозяйстве И. Г. Нифонтова в Тобольской губернии. В этой ситуации владелец уехал в Омск, где обратился за помощью в органы государственной власти [3]. В апреле 1917 г. арендатор земель Сибирского казачьего войска в Омском уезде И. К. Ларкин в заявлении на имя Войскового правления указывал на захват его земли со стороны крестьян соседних поселков и отмечал, что «...не в силах сам справиться с такой массой беспорядочных людей...», претендующих на его земли [7].

Летом 1917 г. в Акмолинской области имели место «аграрные трения» между местным населением и предпринимателями – овцеводами Ф. М. Остряниным, Т. М. Подковыровым, А. И. Даниленко и др. Крестьянское население предприняло несколько попыток к захвату покосов, но, принимая во внимание государственную значимость данных хозяйств, Акмолинской областной земельной управе удалось мирным путем «уладить все недоразумения в этом направлении» [19]. Но достигнуть примирения не всегда удавалось без применения силы. В научной литературе отмечены не единичные примеры использования для этих целей вооруженных воинских формирований [2].

Позже, в 1918 г. хозяйства сельских предпринимателей подвергались неоднократному грабежу и со стороны местного киргизского населения. Многочисленные факты краж сена, племенного скота и другого имущества в период с февраля по июнь 1918 г. в хозяйствах арендаторов земель Сибирского казачьего войска отмечало министерство продовольствия Временного Сибирского правительства. Помощник управляющего данного министерства в

своем докладе министру земледелия от 9 июля 1918 г. приводил примеры грабежа киргизами арендаторских хозяйств Пархоменко, Подлесного, Нестерова, Луценко и др., которые находились в Павлодарском и Семипалатинском уездах. При этом было указано, что киргизы не только грабили имущество и скот, но и избивали сторожей, прибегали к пыткам и убийству лиц, препятствующих насилию и правонарушениям [4]. Еще в 1917 г. сибирская печать уже пестрила сообщениями о насилии над русским населением в степных областях края. При этом в публикациях акцентировалось внимание на том факте, что напряженность основывалась на земельном вопросе [18].

Причины такого поведения крестьянской массы необходимо искать в особенностях региона. Сибирь всегда была районом империи, отличающимся от других локальных пространств укладом жизни, социально-экономическим, административно-управленческим, этническим своеобразием. Именно эти социокультурные характеристики и определили специфику модернизационных изменений и социальных трансформаций в Сибири.

Модернизация регионального пространства в конце XIX – начале XX вв. открывала широкие возможности для социальной мобильности населения, делала подвижными границы социальных групп, приводя к образованию новых сообществ, а значит, создавались и новые основания для идентификаций, отождествления индивида с какой-либо социальной группой или общностью. Отметим, что применительно к Сибири, процесс идентификации и самоидентификации групп регионального общества, очень важен, в силу того, что он определял выбор стратегий поведения, следование тем или иным культурным практикам.

Следует подчеркнуть, что специфика Сибири, как, впрочем, и других окраин империи, изначально определялась тем, что здесь формировался и функционировал переселенческий социум, выступающий как цельное и стабильное образование [15].

Массовые переселения в регион породили ситуацию фронта и своеобразного противостояния между старожилами и новоселами [9]. Современники неоднократно указывали на наличие в сибирских деревнях определенных границ между переселенческим («российским») и старожильческим («сибирским») сообществами, обращали внимание на тот факт, что под влиянием переселений в регионе наблюдалось деление крестьянского мира на составные части [13].

Первоначально, пока миграционный процесс только набирал обороты, старожилы были заинтересованы в причислении новоселов к своим сельским обществам, поскольку это создавало рынок дешевой рабочей силы. Порожденное массовыми миграциями землеустройство с ограничением наделов сельских жителей, способствовало эскалации противостояния между старожилами и новоселами.

Поэтому реалии модернизационного развития Сибири в конце XIX – начале XX вв. позволяют охарактеризовать ситуацию, сложившуюся в регионе, как потенциально конфликтную. Современная гуманитаристика рассматривает конфликт как обострение противоречий между старыми нормами жизни, ценностями, стратегиями поведения и новыми ментальными представлениями людей, распространяющимся на все сферы жизни. При этом отмечается, что в локальном, замкнутом обществе, а сибирское общество до строительства железной дороги и массовых аграрных миграций было именно таковым, конфликт возникает как следствие нарушения традиций, как наказание за нововведения. В тесном мире традиционного сообщества нет места для «чужих». Но как только «чужой» появляется, конфликт неизбежен, так как «пришелец» представляет опасность. Он воспринимается как причина конфликта, как разрушитель социальной действительности, то есть установленного порядка. Характерное для традиционализма «монохромное» видение мира позволяет рассматривать в качестве «чужака» любого, кто, так или иначе, отличается от принятого стандарта поведения или мышления. «Пришлые» в Сибирь из Европейской России переселенцы крестьяне или сельские предприниматели, как раз и играли роль таких «чужаков», которые своей деятельностью непосредственно изменяли социальную реальность в регионе, сибирскую повседневность в целом [12]. Безусловно, применительно к Сибири конфликт разворачивался в области взаимодействия культурных и социально-экономических отношений.

Революционные изменения только усложнили ситуацию, так как они имели деструктивный характер, который жестко навязывал участникам событий определенные направления деятельности, методы борьбы и стереотипы отношений. Но вместе с тем, революционный процесс содержал в себе колоссальные социально-инновационные потенциалы. Пока революция не началась, жизнедеятельность человека была подчинена обычным нормам и происходила под контролем давно сформировавшихся социальных институтов. Но как только «механизм» революции был запущен, привычные законы человеческой жизнедеятельности или работали «вхолостую», или подвергались отрицанию, деформации. В ситуации революционного кризиса большинство социальных институтов разрушалось, вера в прежние ценности ослабевала, как и контроль над соблюдением социальных норм. Более того, людьми овладевало желание отказаться или изменить прежнюю систему любой ценой, а новизна, независимо от того, вела ли она к лучшему или худшему, превращалась в самооценку и обретала неодолимую притягательность. В этих условиях и формировалась принципиально новая социальная система.

На наш взгляд, рассмотренные выше особенности сибирского локального пространства и привели к тому, что сельские предпринимательские хозяйства Западной

Сибири, представленные в основном выходцами из других районов империи, пострадали от земельных захватов в период аграрной революции.

Главным приобретением любой революции являлась «свобода», когда у человека наблюдался крутой эмоциональный подъем, ощущение радости и необъяснимый, с рациональной точки зрения, оптимизм. По мнению Е.В. Сморгыгина, такое состояние было присуще сибирскому сельскому населению именно в годы революционных потрясений. Оно воспринимало «свободу» как «произвол»: «... делай что хочешь, никто тебе ничего за это не смеет сказать, нет для тебя никаких законов и обязательств – сам себе хозяин» [17]. На этом фоне, когда свобода воспринималась как возможность «кому угодно и что угодно делать безответственно и безнаказанно», становятся понятны и массовые порубки лесов, земельные захваты, самоуправство сельского населения локального сообщества. В массовом сознании населения проявлялось отрицание всего старого. При этом формировались новые ценности и моральные установки, которые были связаны с приобретением полной свободы. «Омский вестник» в апреле 1917 г. по этому поводу писал: «Крестьяне, понимая превратно слово “воля”, захватывают казенные и крупные частновладельческие земли. Сельские и волостные самоуправления бессильны бороться с этим начальным явлением, тем более что некоторые выборные сами поторопились захватить “божью землю”» [14].

При всем этом, следует указать, что частные земли не были основной «жертвой» земельных переделов в регионе. Причиной тому была как незначительность размеров частных владений, так и последующие установки советских земельных органов на превращение конфискованных имений в культурные хозяйства. Так, по данным Н.Ф. Иванцовой, в декабре 1917 – мае 1918 г. из общей массы земель, полученных от советских земельных органов или самовольно захваченных крестьянством Алтайской губернии, 60 % приходилось на казенные, монастырские, церковные и школьные земли, 31 % – на частные и 19 % – на надельные земли [8]. Приводимые автором данные о соотношении различных категорий земель подвергнутых революционному переделу, говорят о том, что крестьяне ограничивались только частичным отчуждением земель владельцев, захватывая сенокосные поляны или неиспользуемую пашню. Таким образом, частные земли не составляли основы земель, самовольно захватываемых населением.

Положение осложнялось тем, что советские земельные органы активно способствовали передачи земельных и лесных угодий в распоряжение общинному крестьянству, несмотря на их юридический статус, тем самым подстегнув новую волну самостийных земельных захватов. Советы активно распределяли землю между безземельными и переселенцами, отменили аренду, приступили к разделу

сельскохозяйственных машин и инвентаря, семян. Более того, на базе некоторых предпринимательских хозяйств ими создавались коммуны, колхозы и совхозы.

В результате развернувшихся революционных аграрных преобразований в сибирской деревне наблюдалось усиление социального напряжения, общей конфликтности, что проявлялось, в том числе, в захватах сельскими обществами земельных угодий друг у друга, в разделе земли некрестьянского пользования (казенной, монастырской, причтовой, частной, городской, земельных угодий опытных станций и полей). По сведениям комиссара земледелия и землеустройства Омской области за май 1918 г., в областной земельный отдел поступила масса ходатайств отдельных обществ о присоединении к их наделу казенно-оброчных статей, лесных дач, войсковых участков Сибирского казачьего войска и даже частей наделов соседних обществ. При этом не редко данные ходатайства заканчивались угрозой самовольных захватов, в случае «их неудовлетворения в первую очередь» [5]. В августе того же года, выступая перед депутатами Сибирской областной думы, П.В. Вологодский особо подчеркивал: «Как известно в период большевистской власти начались усиленная раздача и самовольный захват земель. Именно в это время были заняты и вырублены некоторые лесные дачи, роздан весь свободный колонизационный фонд вблизи железных дорог и захвачены почти все частновладельческие имения» [6].

Таким образом, конфликтные ситуации в поземельных отношениях между крестьянским населением и сельскими предпринимателями в определенной степени являлись показателем осознания данными социальными сообществами новых условий жизни, необходимости приспособиться к ним так, чтобы иметь возможность участвовать в их использовании. Действуя в различных социокультурных пространствах, представители этих сообществ активировали различные сценарии социальной репрезентации с варьирующимся радиусом действия.

Предприниматели мигранты и представители сельского локального общества выступали носителями конфликтного сознания, специфика которого заключалась в понимании противоположности своих ценностей, интересов, целей и превращения их в мотивацию активности. Сельскохозяйственным предпринимателям были характерны нормы поведения и идеи, отличные от существующих в рамках культуры сибирского общества до начала модернизационных процессов. Не находя себе места в системе отношений, типах деятельности в Европейской России, они являлись носителями конфликтных тенденций и новаторства, конфликтной логики мышления и поведения. Приехав в Сибирь, предпринимателям, в том числе и в аграрной сфере, были свойственны новые, отличные от местных, ментальные представления. Поэтому они и начали «борьбу» за ценности и претензии на определенный социально-экономический, культурный статус, за недостаточные

для всех материальные и духовные блага. Революционные перемены в аграрной сфере, как в стране в целом, так и в рамках локального пространства, еще сильнее запутали и усложнили процесс взаимоотношений.

Анализируемая ситуация общей конфликтности на региональном уровне, с одной стороны, приводила к значительным необоснованным затратам различных ресурсов, а с другой – являлась тем механизмом, который сплачивал социальные группы в напряженной борьбе за удовлетворение своих потребностей. Таким образом, конфликт нес в себе не только деструктивную функцию, в нем был заложен и большой позитивный потенциал, социализирующая сила.

Список литературы

1. Государственный архив Томской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–3; Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 9. Л. 3, 5 об.
2. Горюшкин Л.М. К характеристике политики Временного правительства в сибирской деревне // Вопросы истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1973. – С. 456.
3. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Хроника и историография. – Новосибирск, 1987. – С. 125.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 200. ЛЛ. 73–74.
5. Государственный Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 20. Л. 43.
6. ГИАОО. Ф. Р-1507. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.
7. ГИАОО. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 1а. Л. 85–86.
8. Иванцова Н.Ф. Западно-Сибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 г. – М., 1992. – С. 199.
9. Козлова Е.М. Проблема социальной адаптации крестьян-переселенцев на территории Алтайского горного округа во второй половине XIX века (по материалам народнической историографии) // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. Сборник научных статей. – Барнаул, 2004. – Вып. 2. – С. 139–141.
10. Крестьянская газета. – Тобольск, 1917. – 27 марта. – С. 4.
11. Кротт И.И. Политика Временного правительства в отношении сельских предпринимательских хозяйств Западной Сибири (февраль – октябрь 1917 г.) // Омский научный вестник. – Омск, 2011. – № 4 (99). Серия «Общество. История. Современность». – С. 9–13.

12. Кротт И.И. Формирование сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: к вопросу об особенностях восприятия локальным сообществом модернизационных перемен // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3; URL: <http://www.science-education.ru/109-9392> (дата обращения: 18.06.2013).
13. Овсянкин И. Материалы по переселению в Алтайском горном округе 1888–1892 гг. // Алтайский сборник. – Томск, 1892. – Вып. 1. – С. 246.
14. Омский вестник. – Омск, 1917. – 16 (29) апреля. – С. 3.
15. Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. – Красноярск, 2002.
16. Рынков В.М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918–1919 г.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.). Бахрушинские чтения 1998 г.: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.И. Шишкина. – Новосибирск, 2001. – С. 99–137.
17. Сморгин Е.В. Проявление девиантного поведения сибирского крестьянства как результат изменения психологии в революционную эпоху 1917–1920 гг. (по материалам сибирской периодической печати) // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых: сборник научных статей / Под ред. В. Н. Худякова. – Омск, 2005. – Вып. 8. – С. 80.
18. Сушко А.В. Конфликты между «крестьянами и инородцами» в годы революции и Гражданской войны на территории Сибири // Социальные конфликты в истории России: Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Омск, 30 ноября 2006 г. – Омск, 2006. – С. 297–298.
19. Центр документации новейшей истории Омской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 134. Л. 90.

Рецензенты:

Худяков В.Н., д.и.н., профессор, декан факультета истории, философии и права, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.

Чуркин М.К., д.и.н., профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.